

Гай Дойчер

СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО ЯЗЫКА

ПОЧЕМУ НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ
МИР ВЫГЛЯДИТ ЭТАКИ

Guy Deutscher

**THROUGH
THE LANGUAGE
GLASS**

WHY THE WORLD LOOKS DIFFERENT
IN OTHER LANGUAGES

Гай Дойчер

СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО ЯЗЫКА

ПОЧЕМУ НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ
МИР ВЫГЛЯДИТ ЭННИ

Издательство
АСТ
МОСКВА

УДК 81'22
ББК 81
Д55

Серия «Наука XXI век»

Guy Deutscher
Through the Language Glass:
Why the World Looks Different
in Other Languages

Перевод с английского Наталии Жуковой

Дизайн обложки: Стас Жицкий

Фото на задней стороне обложки © Janie Steen

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
United Agents Ltd. и Synopsis.

Дойчер, Гай.

Д55 Сквозь зеркало языка: почему на других языках мир выглядит иначе / Гай Дойчер; [пер. с англ. Н. Ю. Жуковой]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 382, [2] с. — (Наука XXI век).

ISBN 978-5-17-083711-3

Книга «Сквозь зеркало языка» — один из главных научно-популярных бестселлеров последних лет. Почему в некоторых культурах синий и зеленый цвета обозначаются одним и тем же словом? Почему Гомер называл море «виноцветным»? Почему коренные жители Австралии вместо «правый» и «левый» говорят «западный» и «восточный»? Как язык определяет образ жизни человека и судьбу народа? Остроумная и блестяще написанная книга одного из самых известных современных лингвистов — настоящий подарок для всех, кто интересуется жизнью языка и разнообразием человеческой культуры.

УДК 81'22
ББК 81

© Guy Deutscher, 2010
© Перевод. Н. Жукова, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. Язык, культура и мышление	7
Часть 1. В зеркале языка	35
Глава 1. Названия цветов радуги	37
Глава 2. Погоня за миражом	57
Глава 3. Грубые народы, обитающие в далеких странах.	79
Глава 4. Те, кто раньше нас высказал наши мысли ...	103
Глава 5. Платон и македонский свинопас	128
Часть 2. Сквозь призму языка.....	163
Глава 6. Осторожно: Уорф!	165
Глава 7. Там, где солнце не восходит на востоке	201
Глава 8. Пол и синтаксис	245
Глава 9. Русские синий и голубой	274
ЭПИЛОГ. Простите нам наше невежество	294
ПРИЛОЖЕНИЕ. Цвет: в глазах смотрящего	302
Примечания	313
Библиография	343
Благодарности	365
Источники иллюстраций	366
Предметный указатель	368

Пролог

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И МЫШЛЕНИЕ

В Талмуде сказано: «Четыре языка хороши, чтобы использовать их: греческий для песни, римский для битвы, сирийский для плача и еврейский для разговора». Другие авторы были не менее решительны в своих суждениях о том, для чего пригодны разные языки. Император Священной Римской империи Карл V, король испанский, эрцгерцог Австрии, владевший несколькими европейскими языками, признавался, что говорит «по-испански с Богом, по-итальянски с женщинами, по-французски с мужчинами и по-немецки со своей лошадью».

Язык народа, как нам часто говорят, отражает его культуру, психологию и образ мышления. Люди в тропическом климате беспечны настолько, что вполне закономерно растеряли почти все свои согласные. И достаточно только сравнить мягкие звуки португальского языка с резкостью испанского, чтобы понять суть разницы между этими двумя соседними культурами. Грамматика некоторых языков попросту недостаточно логична для выражения сложных идей. С другой стороны, немецкий язык — идеальное средство для максимально точного формулирования философского глубокомыслия, это очень упорядоченный язык, поэтому и сами немцы мыслят весьма упорядоченно. (Но разве не слышен в его безрадостных, лишенных изящества звуках прусский

шаг?) В некоторых языках нет будущего времени, поэтому их носители, естественно, понятия не имеют о будущем. Вавилоняне с трудом поняли бы название «Преступление и наказание», потому что на их языке для описания того и другого использовалось одно и то же слово. Скалистыми фьордами веет от резких интонаций норвежского языка, а в скорбных мелодиях Чайковского можно расслышать твердое русское «л». Французский — не только романский язык, но и язык романов. Английский слишком легко приспосабливается, можно сказать, что это язык с неразборчивыми связями, а итальянский... ох уж этот итальянский!

Многие застольные беседы украшаются подобными вьетками, потому что мало какие темы более пригодны для размышлений, чем характер различных языков и их носителей. И однако стоит эти возвышенные наблюдения перенести из веселой пиршественной залы в стильный холод лаборатории, как они тут же опадут, как пена анекдота — в лучшем случае забавного и бесцельного, в худшем — демонстрирующего нетерпимость и глупость. Большинство иностранцев не могут уловить на слух разницу между горной Норвегией и бесконечными шведскими равнинами. Трудолюбивые датские протестанты обрели на свою ледяную, открытую всем ветрам почву больше согласных, чем любое праздное тропическое племя. И если мышление немцев систематично, то с тем же успехом это могло бы быть из-за того, что их чрезвычайно прихотливый родной язык так измотал их умственные способности, что они не справились бы с дополнительными неправильностями. Говорящие по-английски могут подолгу беседовать о будущем в настоящем времени (*I'm flying to Vancouver next week...* — Я лечу на той неделе в Ванкувер...), ничуть не теряя способности воспринимать будущее. Нет такого языка — даже у самых «примитивных» племен, — который по своей природе непригоден для выражения самых сложных идей. Некоторый недостаток языковых возможно-

стей для философствования сводится просто к нехватке специализированного словаря абстрактных терминов и, возможно, каких-то синтаксических конструкций, но их можно легко набрать так же, как все европейские языки унаследовали свой набор философских инструментов из латыни, которая, в свою очередь массово заимствовала их из греческого. Если бы носители любого племенного языка озаботились этим, они и сегодня легко могли бы сделать то же самое, и можно было бы без труда рассуждать по-зулусски о сравнительных достоинствах эмпиризма и рационализма или разглагольствовать о феноменологии экзистенциализма на западногренландском.

Если бы размышления о нациях и языках витали только над аперитивами, их можно было бы извинить как безобидные, хоть и бессмысленные, развлечения. Но вышло так, что с этим предметом веками упражнялись также могучие ученые умы. Философы всех стран и направлений становились в очередь, чтобы заявить, что каждый язык отражает качества народа, который на нем говорит. В XVII веке англичанин Фрэнсис Бэкон объяснял, что можно «на материале самих языков сделать достойные самого внимательного наблюдения выводы о психическом складе и нравах народов, говорящих на этих языках»*. «Все это подтверждает, — соглашается веком позже француз Этьен де Кондильяк, — что каждый язык выражает характер народа, который на нем говорит»**. Его более молодой современник, немец Иоганн Готфрид Гердер, разделяет это мнение: «В каждом языке отпечатлелся рассудок и характер народа. У деятельных народов — изобилие наклонений, у более утонченных наций — множество возведенных в ранг абстракций свойств предметов»***. Коротко

* Пер. Н. Федорова. — *Здесь и далее постраничные примечания принадлежат переводчику, если не оговорено иное.*

** Пер. И. Шерн-Борисовой.

*** Пер. А. Михайлова.

говоря, «гений народа более всего открывается в физиогномическом образе его речи»*. Американец Ральф Уолдо Эмерсон в 1844 году подытожил: «Вывод о духе народа мы в большой степени делаем на основании его языка, что сродни памятнику, в который всякий чем-то замечательный индивидуум вложил хотя бы один камень».

У этого впечатляющего интернационального единодушия есть одна проблема — оно рушится сразу же, как только мыслители переходят от общих принципов к размышлению о конкретных свойствах тех или иных языков и о том, что эти лингвистические свойства могут рассказать о качествах конкретных народов. В 1889 году слова Эмерсона были заданы как тема для сочинения 17-летнему Бертранию Расселу, когда тот учился на подготовительных курсах в Лондоне, готовясь ко вступительному экзамену в кембриджский Тринити-колледж. Рассел глубокомысленно заявляет: «Мы можем изучать характер народа по идеям, которые лучше всего выражает его язык. Например, французский содержит такие слова, как *spirituel*** или *l'esprit****, смысл которых по-английски едва ли можно выразить вообще; откуда мы можем сделать вывод, подтвержденный реальными наблюдениями, что у французов больше *esprit* и они более *spirituel*, чем англичане».

С другой стороны, Цицерон делал ровно противоположные выводы из отсутствия слова в языке. В трактате «Об ораторе» (*De oratore*, 55 г. до н. э.) он произносит длинную проповедь об отсутствии греческого эквивалента латинского слова *ineptus* (означающего «неуместный» или «бестактный»). Рассел заключил бы, что у греков были такие безупречные манеры, что им просто не требовалось слово для описания несуществующего явления. Не таков был Цицерон: с его точки зрения, отсутствие слова доказывало, что этот порок

* Пер. тот же.

** Духовный, одухотворенный (*фр.*).

*** Дух (*фр.*); о других значениях этого слова см. ниже.

был так широко распространен среди греков, что они его даже не замечали. Язык римлян и сам нередко подвергался порицанию. Примерно через двенадцать столетий после Цицерона Данте Алигьери в своем труде «О народном красноречии» (*De vulgari eloquentia*) дает обзор итальянских диалектов и заявляет, что «речь римлян — не народная, а, скорее, убогая — безобразнее всякой другой итальянской народной речи; да это и неудивительно, потому что и уродством своих обычаев и одежды они явно отвратительнее всех остальных»*.

Никто даже в мыслях не имел подобных настроений по отношению к французскому языку, который не только романтичен и *spirituel*, но также, конечно, образец логики и ясности. Мы это знаем благодаря не кому иному, как самим французам. В 1894 году знаменитый критик Фердинан Брюнетьер сообщил членам Французской академии по случаю своего избрания в это прославленное учреждение, что французский язык — «самый логичный, самый понятный и ясный язык, на котором когда-либо говорил человек». Брюнетьер в свою очередь обосновал это авторитетом длинного ряда знаменитых, включая Вольтера, который в XVIII веке утверждал, что уникальность гения французского языка состоит в его ясности и упорядоченности. А сам Вольтер обязан этим прозрением потрясающему открытию, сделанному на целое столетие раньше, точнее в 1669 году. Французские грамматисты XVII века десятилетиями пытались понять, почему французский язык обладает ясностью превыше всех прочих языков в мире и почему, как заявил один из членов академии, французский одарен такой ясностью и точностью, что простой перевод на него имеет эффект настоящего пояснения. Наконец после многолетних трудов в 1669 году Луи ле Лабурер обнаружил, что ответ — сама простота языка. Его мучительные грамматические изыскания показали, что, в от-

* Пер. Ф.А. Петровского.

личие от носителей других языков, французы «во всех высказываниях точно следуют ходу мысли, и это есть порядок Природы». Ну и нечего удивляться, что французский не может быть непонятным. Как позднее сказал мыслитель Антуан де Ривароль: «То, что непонятно, может быть английским, итальянским, греческим или латынью», но *ce qui n'est pas clair n'est pas français* («что непонятно — то не французское»).

Не все интеллектуалы мира, однако, согласны с этим анализом. Столь же искушенные мыслители — довольно странно, что в большинстве своем не из Франции, — придерживались иного мнения. Известный датский лингвист Отто Есперсен, например, был уверен, что английский язык превосходит французский по целому ряду признаков, включая логику, так как, в отличие от французского, английский — это «методичный, энергичный, деловитый и серьезный язык, который не слишком заботится о пышности и элегантности, зато придает значение логичности». «Каков язык, таков и народ», — заключает Есперсен.

Великие умы оказались еще более плодовиты, когда перешли от вопроса, как язык *отражает* характер его носителей, к более важному вопросу о том, как язык *влияет* на мыслительные процессы его носителей. Бенджамин Ли Уорф, к которому мы вернемся в одной из следующих глав, околдовал целое поколение, утверждая, что наша привычка расчленять мир на объекты (например, «камень») и действия (например, «падать») не есть правдивое отображение реальности, но лишь искусственное разделение, навязанное нам грамматикой европейских языков. Согласно Уорфу, языки американских индейцев, в которых существительное и глагол сочетаются в одном слове, диктуют «монистический взгляд» на вселенную, поэтому их носители просто не поймут нашего различения между объектами и действиями.

Спустя поколение Джордж Стайнер в своей книге 1975 года «После Вавилона» пришел к выводу, что «традиции пред-

варения в нашем синтаксисе», наше «проговариваемое будущее», или, другими словами, существование будущего времени глагола, — то, что дает нам надежду на будущее, спасает от нигилизма, даже от массового самоубийства. «Если бы наша система времен была менее прочной, — сказал Стайнер, — мы бы могли не выдержать». (На него не иначе как снизошло пророческое вдохновение, поскольку ежегодно вымирают десятки языков, в которых нет будущего времени.)

Совсем недавно один философ произвел революцию в нашем понимании истории Тюдоров, выявив настоящую причину разрыва Генриха с папой. Он установил, что англиканская революция была не результатом отчаянного желания завести наследника, как это обычно преподносится, и не циничной уловкой, направленной на присвоение церковных богатств и владений. Рождение англиканской теологии было неизбежно из-за свойства английского языка: поскольку английская грамматика занимала промежуточное положение между французской и немецкой, то и английская религиозная мысль оказалась на полпути между (французским) католицизмом и (немецким) протестантизмом.

По высказываниям о языке, культуре и мышлении кажется, что крупные мыслители в своих *grandes oeuvres* не слишком далеко ушли от мыслителей мелких с их *hors d'oeuvre**. Можно ли надеяться, что при столь неаппетитной предшествующей истории из дискуссии получится что-то съедобное? Если отделить несостоятельное и невежественное, не-

* Игра слов: *grande oeuvre* по-французски означает и «фундаментальное произведение», и алхимическое «великое искусство» (т. е. превращение металлов в золото), и «основное блюдо» (трапезы). Именно в последнем значении оно противопоставляется *hors d'oeuvre*, что в кулинарном контексте означает «закуска», а в более общем — «нечто излишнее, необязательное».

лепое и фантастическое, останется ли что-то осмысленное, что можно сказать о соотношении между языком, культурой и мышлением? Отражает ли язык культуру общества в каком-то более глубоком смысле, чем такие мелочи, как количество слов для обозначения снега или стрижки верблюдов? И что еще более спорно — могут ли разные языки приводить своих носителей к разным мыслям и восприятию?

Для большинства серьезных ученых сегодня ответ на все эти вопросы — гулкое «нет». Доминирующая точка зрения среди современных лингвистов такова, что язык есть прежде всего инстинкт, другими словами, основы языка закодированы в наших генах и одинаковы для всего человечества. Как блестяще доказывал Ноам Хомский, марсианский ученый заключил бы, что земляне говорят на диалектах одного языка. Как гласит его теория, все языки в своей основе объединены одной и той же универсальной грамматикой, общими подразумеваемыми понятиями, одинаковой степенью системной сложности. Поэтому важны (или по крайней мере заслуживают исследования) только те аспекты языка, которые раскрывают язык как выражение внутренней природы человека. Наконец, общее мнение таково, что если наш родной язык и влияет на то, как мы думаем, то это влияние пренебрежимо мало, тривиально — и в основном мы все думаем одинаково.

На следующих страницах, однако, я попытаюсь убедить вас — возможно, вопреки первоначально сложившемуся мнению и, уж конечно, вопреки модному сегодня академическому подходу, — что ответ на вышеприведенные вопросы — «да». В своей речи в защиту культуры я буду доказывать, что культурные различия отражаются в языках очень глубоко, а растущий массив научных исследований убедительно показывает, что наш родной язык может влиять на то, как мы думаем и воспринимаем мир. Но прежде чем вы переставите эту книгу на одну полку с другими безумцами, между последним сборником кулинарных рецептов знаме-

нитостей и руководством «Как подружиться с золотой рыбкой», я дам вам торжественное обещание, что мы не будем потакать беспочвенному пустословью какого-либо рода. Мы не будем навязывать «монистический взгляд» на какие-нибудь вселенные, мы не будем воспарять до горделивых вопросов вроде того, в каком языке больше *esprit*, и не станем погружаться в загадки, какие культуры более «глубинны». Проблемы, которые будут занимать нас в этой книге, совсем другого рода.

На самом деле вопросы культуры, которыми мы займемся, относятся к самому приземленному уровню обыденной жизни, а интересующие нас аспекты языка лежат на том же уровне повседневной речи. Потому что, оказывается, самые значительные связи между языком, культурой и мышлением надо искать там, где меньше всего ожидаешь, в тех местах, где здравый смысл предполагает, что все культуры и все языки должны быть совершенно одинаковы.

Культурные отличия высокого уровня, которые мы сразу замечаем — в музыкальном вкусе, половой морали, требованиях к одежде или застольных манерах, — все в каком-то смысле поверхностны, именно потому, что мы их так остро замечаем: мы знаем, что порнография — это лишь вопрос географии, и мы не питаем иллюзий, что люди по всему земному шару разделяют одни и те же предпочтения в музыке или одинаково держат вилки. Но культура может оставлять более глубокие отметины там, где мы не опознаем их как таковые, где ее традиции столь неизгладимо врезались во впечатлительные юные умы, что мы выросли, принимая их за нечто совершенно иное.

Чтобы все эти утверждения обрели хоть какой-то смысл, нам надо сначала расширить понятие культуры за пределы его обычного использования в повседневном языке. Какова ваша первая реакция на слово «культура»? Шекспир? Струнные квартеты? Изящно оттопыренный мизинчик руки, держащей